

САМИЗДАТ ВЕКА: СЕМЕН ГРИНБЕРГ

1997 N22

Тоже воспоминание о клубе "Факел". Они были два друга - Саша и Сеня, Семен. И так и остались друзьями до седых волос, хотя жизнь их со временем, как говорится, разбросала.

Александр Лойко эмигрировал в Германию - и теперь живет в Берлине. А Семен - в другую страну, теперь он обитает в

Иерусалиме. По слухам, работает при синагоге. Впрочем о его жизни там рассказывают стихи и сонеты, которые он мне прислал недавно с оказией. Сонеты Семен Гринберг писал, как и я, всю жизнь, и мне кажется, достиг большого мастерства и новизны/свежести. Они психологичны, кинематографичны. Это четкие маленькие новеллы в стихах. И мне они очень по душе. Да я и сам стою

на такой позиции. И сочинял сонеты в подобном роде, правда, несколько раньше по времени. В настоящей публикации я постарался представить московский период Гринберга, когда поэт и помыслить не мог, чтобы напечататься, слишком был он в стороне от всех литературных "тусовок", отчасти поэтому сохранил и преумножил талант, который дал ему Господь.

ГЕНРИХ САПГИР

* * *

В туманном Ясенева или Теплом Стане,
Где фонари меняются местами,
Прохожие с размытыми боками,
Как у молочниц или молокан,
Держа зонты обеими руками,
В автобусы садятся по слогам.

И так до красных листьев далеко,
Что истекла четвертая неделя,
Сентябрь кончился,
А солнце еле-еле
Пронизывает это молоко.

* * *

Стена исписана фамилиями людей,
Нерусскими, - Дон Хокинс и Мияке.
У входа в магазин привязаны собаки.
Так раньше оставляли лошадей.

Минута - и, ощутив в полумраке
Понурые струи очередей,
Как фокусник, являюсь из дверей
Со свертком атлантической салаки.

- Поди сюда, - сказал милиционер,
Сам подошел и взял меня за плечи,
Мол, о вине не может быть и речи,
Или о паре пива, например.

БИТЦЕВСКИЙ ПАРК

Кленовые листья в соломенной корзинке,
Грибы, коренья, человечьи голоса,
Лицо на моментальном фотоснимке,
Не личико, а губы и глаза,

Велосипедные останки колеса,
Сандали, недоступные починке,
Ходы змеиные, паучы волоса,
Дубы-монахи, елки-капуцинки,

И голые стволы неузнанных осин,
И эхо гулкое, и дети на поляне
Снимают скальпы с избранных заране,
Следов не оставляя мокасин,
И ветер местный, шаря и соря,
Готовит лес к приходу ноября.

* * *

Собравши Ларину бутылку молока,
Сырок и булочку в пластмассовом пакете,
Я так замешкался, что не слышал звонка, -
Явился Савченко в малиновом берете,

И вне себя, и сетовал - пока
Я занят хлебом, молоком и прочим вздором,
Нас Ларин ждет на стройке за забором,
Где можно обойтись и без сырка!

Мы вышли. Темнота висела, как цветок,
И стройка плавала, как лебедь в зоопарке,
Селены колебался ноготок,
И профиль на стене электросварки.

* * *

В начале января истаяли снега,
Московская зима пообветшала,
А, помню, некогда она иной бывала,
И было правильно - морозы и вьюга.

Не только Чистые, но Яуза-река
Всю зиму напролет закована лежала,
И, как в трубе, метелица летала
От "Колизея" и до "Спартака".

Идешь по Лялину, лицо в воротнике,
Дымы стоят, как белые растенья,
Ровесники мои - лет десять от рожденья -
По Харитонию несутся налегке,
Две домработницы в солдатском окруженье,
Музыка на невидимом катке.

* * *

Не то что пьяные - веселые слегка,
Мы вышли наконец из-за забора,
Покинув на снегу осколки разговора
И желтые зигзаги кипятка.

Остались позади два здания ЦК -
ЦК КПСС и комсомола.
На взгляд со стороны: идут три мужика,
И на троих - два головных убора.

Две шапки, то есть. Савченко молчал,
А Ларин шел уверенно и прямо -
Недалеко, еще один квартал.
Нетрезвый Ларин в роли Дон Жуана! -
Он даже имена перечислял:
Моя - Надежда, Ларина - Татьяна.